Эвелина Цегельник

НА ЗАОБЛАЧНЫХ БОЖЬИХ ЛУГАХ

2018

Deutschland – Россия

УДК 821.161.1-1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44
Ц29

Посвящаю эту книгу любимой бабушке Шуре
(Алексеевой Александре Яковлевне)

Эвелина Цегельник. На заоблачных Божьих лугах.
Стихи о природе.
Дизайн обложки, обработка фотографий – агентство “Творческие решения”
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографиях:
Verlag «STELLA», Hechingen, Deutschland (ФРГ); и «Буки Веди», Москва (РФ); 2018. – 147 с.

© Эвелина Цегельник, стихи, 2018
© фотомодель София Абдулаева, 2018
© фотомодель Ева Тония, 2018
© фотомодель Камилла Тония, 2018
© художественный редактор Маргарита Пальшина, 2018

ISBN 978-3-95772-109-9

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, использование фото из книги, включая размещение в сети интернет, возможны только с письменного разрешения правообладателя.

Эвелина Цегельник

На заоблачных Божьих лугах

Ворожея

Неспешною, светящейся красой
Восходит солнце ласково над нею –
Россиюшкой, девчоночкой босой,
Красавицей, колдуньей, ворожеей.

Пронизанные солнцем и дождём
Ловлю в ладонь сияющие нити…
Свалявшейся периной, грубым льном
Стопы мои, луга, скорей примите.

Я окунусь в ваш пёстрый разнобой,
Природою в ковёр единый сшитый.
Кантату прожужжит пчелиный рой
В колосьях ржи, цветением налитых.

И налетит внезапно ветерок,
Отчаянный, как уличный мальчишка,
И побежит вперёд, не чуя ног,
Встревоженный, растерянный
зайчишка.

И лес в ответ мгновенно оживёт,
Раскрасится весёлой акварелью,
И высветлит он солнечной пастелью
Лазурно-изумрудный неба свод…

Сюжеты собирая для картин,
Я кисть макаю в ягодную терпкость,
Рисую в жарком шелесте осин
Страну мою – желанную на редкость.

В платьице простом

В деревянном платьице неброском
Деревенька древняя стоит.
Мятой пахнет, чередой и воском
И дымком берёзовым пыхтит.

Солнца луч лежит на половице,
Плотность стен пронизана теплом.
На крыльце красавица девица
Прижимает кринку с молоком.

Может быль, а может, сказка это,
Кто узнает, поросло жнивьём.
Только бродит по опушке где-то
Деревенька в платьице простом.

Лосёнок

Жмётся к лосихе лосёнок,
Дрожь голенастых ног
Он не уймёт и, сонный,
Мордою ищет сосок.

И, прислонившись к мамке,
В зыбкой ночной синеве,
В лунной большой панамке
Замер в траве-мураве.

Одуванчики

Острый воздух студёного утра
Да предутренний колкий мороз
Пробирают до досточки утлый
Запряженный лошадкою воз.

Кисеёй занавешены снежной
На телеге с соломой мешки,
Пересыпаны инеем нежным
Заскорузлые кушаки.

Рдеет, рдеет на длинной оглобле
Пламя тихой январской зари,
Замерзают на зимней дороге
Загулявшие в дым звонари.

Вот им чудится: будто на небе,
На заоблачных божьих лугах,
Отцвели и осыпались где-то
Одуванчики в райских садах.

И сияет в глазах, и искрится,
Парашютики наземь гоня,
Тот пушок и летит под копытца
Заплутавшего в поле коня.

Дерево-птица

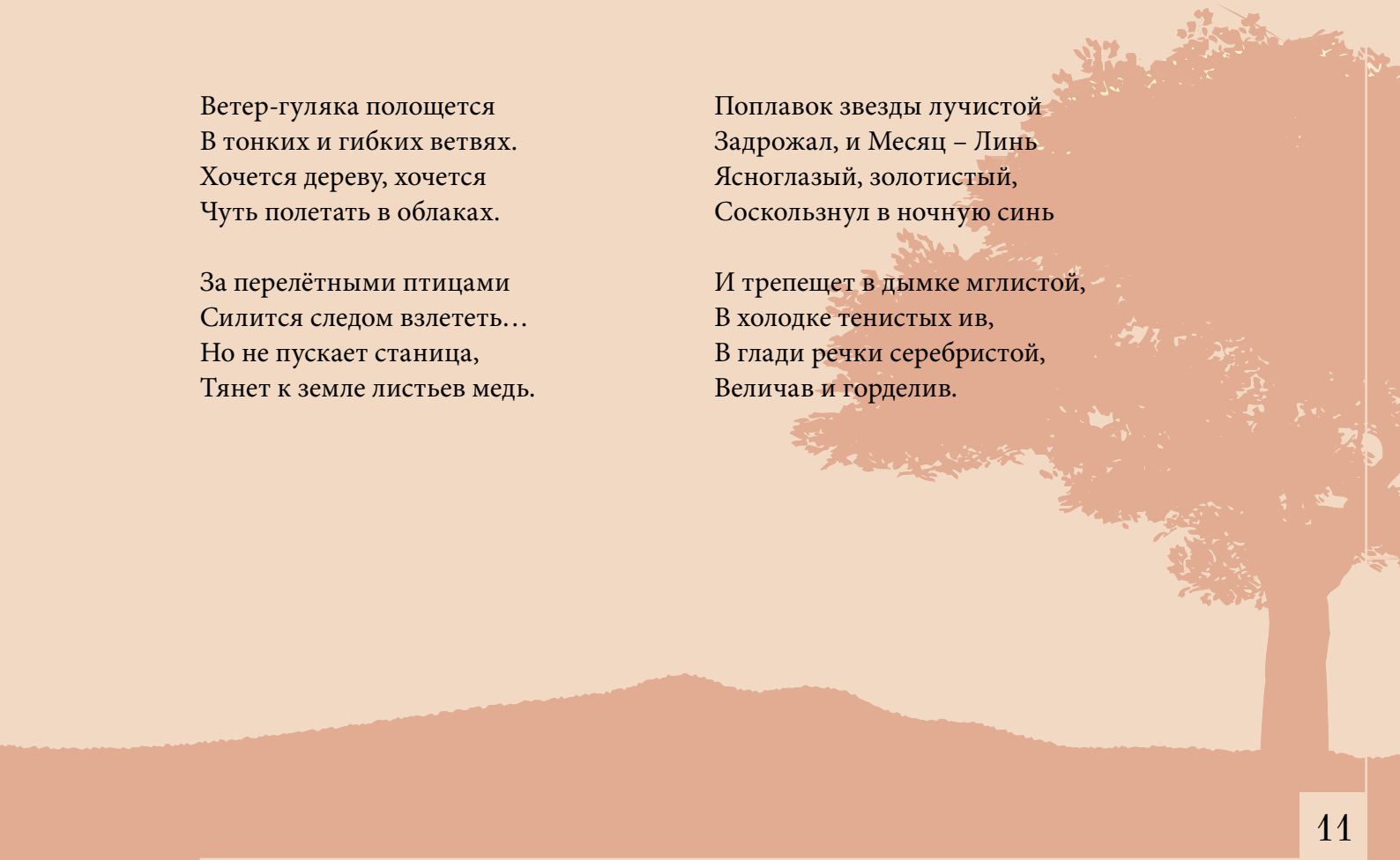
Ветер-гуляка полощется
В тонких и гибких ветвях.
Хочется дереву, хочется
Чуть полетать в облаках.

За перелётными птицами
Силится следом взлететь…
Но не пускает станица,
Тянет к земле листьев медь.

Месяц в речке

Поплавок звезды лучистой
Задрожал, и Месяц – Линь
Ясноглазый, золотистый,
Соскользнул в ночную синь

И трепещет в дымке мглистой,
В холодке тенистых ив,
В глади речки серебристой,
Величав и горделив.



В зимнем лесу

Над ольховником сорока,
Кувыркаясь в бирюзе,
Затрезвонила до срока
Весть свою, во всей красе.

Разошлась и – мелет, мелет…
Выстрел грянул. Кувырком
Полетела пустомеля,
Завертелася волчком.

Вот прислушался Охотник –
Тишина. Лишь об кору
Снег шуршит, да ветер-сводник
С кем-то шепчется в бору.

След запутанный оставил
Заяц дымно-голубой,
Чернослив глаз уставил
И застыл, как неживой.

Лишь сугробы-лежебоки
Белогубую рвут пасть,
Да берёзки-недотроги
Продолжают пряжу прясть.

Притулился снег под ёлкой
На душистую хвою,
Схоронив лесного волка –
Тайну снежную свою.

Метель

Всю ночь метель гуляла
И лезла в окна к нам.
Свистела и стонала,
Вороча створки рам.

Крутя косматой тучей,
Вываливала снег
На ветви ив плакучих,
На баню и на хлев.

Колючие кристаллы
Вертел сердитый вихрь,
Как капельки металла
Вонзая в стёкла их.

Скрипел наш дом, качался,
Вертелся заводной,
За ним и тополь в танцы
Пускался сам не свой.

Он кланялся в такт ветру,
Кадриль с плетнём плясал,
Тянул к метели ветви,
Как будто обнимал.

И в ветреном порыве,
Весь белый, словно мел,
Ей песни удалые
Без устали он пел…

Крутился то к калитке,
То к снежному гумну,
Сгибался, как улитка,
Ствол надвое согнув…

Как ветрено, как зябко
(И боязно чуть-чуть)!
Глядим в окно украдкой,
Не в силах глаз сомкнуть.

Волки

Волки бегут гуськом,
Двигаясь друг за другом.
Уши стоят торчком,
Рёбра обтянуты туго.

Всех впереди – вожак,
На непогоду злится.
Жмётся к нему молодняк,
Цепь замыкает волчица.

Плотно идут «след в след»,
Снег проминая ватный.
Силы от голода нет,
Тратят её аккуратно.

Слушает ночь вожак
Слухом тончайшим, редким.
Каждый бугор и овраг
Взглядом окинут цепким…

Вот вдруг осел на снег,
Поднял загривок дыбом:
Там впереди человек,
Пахнет жильём и дымом…

Ох, не подлезть к жилью –
Лает собака звонко.
В доме едят и пьют,
Вышла с ведром девчонка…

Каждый натянут нерв,
В бой молодняк свой клича,
Ставит в кустах резерв –
Гнать в темноту добычу.

Пахнет сырым овсом,
Праздник в посёлке знатный…
Вместе с осипшим псом
Волк в путь идёт обратный.

То побежит чуть-чуть
Как-то намеренно тихо,
То припадёт на грудь,
То вдруг подпрыгнет лихо…

И, заманив в пургу,
Глазом сверкнув украдкой,
В горло добыче-псу
Мёртвой вцепился хваткой…

Костёр

Ярко-оранжевой псиною
Лижет полено костёр.
Под котелок с осетриною
Клык подставляет остёр…

Бьёт по бокам мощной лапою,
Дымным виляет хвостом…
То подползёт тихой сапою,
То вдруг взбесившимся псом.

К деду подкравшись сидящему,
Ловит, разинувши пасть,
Чурку сухую, блестящую
И наслаждается всласть.

Чуть замерев на мгновение,
Вновь начинает ярить,
Чтоб в котелке с исступлением
Дедову рыбу варить.

Дед, глухо шаркая туфлями,
Снял котелок и унёс.
Скалясь потухшими углями,
Съёжился рыжий пёс.

Солнце

Солнце, мой самый сиятельный друг,
Как ты могуче в своём возвышенье!
Я из молитвенно сложенных рук
Птиц выпускаю, печаль и сомненье.

Сядут на ветви и будут рыдать
Птицы из сердца и тёмной утробы…
Боль из души осторожно клевать,
Чтобы забыла тебя, милый, чтобы.

Солнце, мой самый сиятельный друг,
Лучик всего лишь я твой безымянный!
В горсть из молитвенно сложенных рук
Я принимаю покров златотканый.

Как мне наряд лучезарный идёт,
Солнце, наполни теплом скорей душу:
Пусть, что любила когда-то, пройдёт.
Я свой обет никогда не нарушу.

FORMOSA

Утро в лесу

Яснеет небо, меркнут звёзды.
Светает. Мокнут по кустам
Резные листья. Пухнут гроздья
Созревших ягод тут и там.

Куда ни глянь – туман клубится
Сквозь белый мрамор бересты,
Дымками стелется, змеится,
Волоча по ветру хвосты.

Срывают нити паутины
С ветвей опавшие листы,
И застывают недвижимо
Осенних платьев лоскуты.

Луг, что наполненная чаша,
Искрится осени питьём,
В ней луч купается и пляшет,
Играя золотым жнивьём.

Лист

Бабочкой взвивается
Ярко-красный лист.
В небесах пускается
В чудный танец твист.

И, сорвавшись с облака,
Покружив чуть-чуть,
Он в кустах терновника
Свой закончил путь.

Облачко-лето

Пузырями покроется лужа,
Задымится на небе лазурь,
Ниоткуда надвинется стужа,
И охватит всё ржавая хмурь.

Синеватое облачко-лето
Уплывёт за пустынный плёс.
И застонет, замечется где-то
Ветер, будто потерянный пёс.

Серебрится трава луговая,
И туманится поле дождём,
И лягушки в пруду замирают:
Уж не квакать им солнечным днём!

Белотелые гнутся берёзы,
Провисает намокший лопух.
А в деревне не высунут носа.
Квёлы куры, невесел петух.

Пузырями покроется лужа,
Задымится на небе лазурь,
Ниоткуда надвинется стужа,
И охватит всё ржавая хмурь…

Отголоски лета

Выгорает косогор,
Выцвели отавы,
Холодок спустился с гор,
Пожелтели травы.

Осень – стылая пора…
Гонит листья ветер,
Обнажается кора,
Лес прозрачен, светел.

А в аллеях и садах
Мокнет разноцветье.
Отзвучали навсегда,
Смолкли скрипки лета.

Ожеледь

Пятую ночь куролесил
Крепкий ядрёный мороз.
Пьян был мороз и весел,
За уши драл и нос.

К ночи, совсем усталый,
Пал – истончилась злость.
И на валежник талый
Утром закапал дождь.

Льёт озорник-насмешник
На провода, столбы,
Ветви кустов, валежник,
В льды обращая, в льды…

Как частокол, живые,
Брызжа цветным огнём,
Столбики ледяные
Высятся, высятся днём.

Сказкою лес отмечен,
Дивным застыл шатром.
Он в жемчуга расцвечен,
Светится хрусталём.

Ветры, что малые дети:
Мчит, озорует орда,
Руша уставшие ветви
Наземь под тяжестью льда.

Звон мелодичный, тонкий
Под небеса летел,
Где снегирём залётным
Месяц грудастый рдел.

Ох, суждено не долго
Сверхкрасоту иметь,
Падают хрупкие ёлки,
Сыплется вниз ожеледь.

Ожерелье

По зелёному бисеру ряски
Проплывает утиный косяк,
Пенит воду, пускается в пляски,
Ищет рыбу средь мокрых коряг.

Живописно расселись лягушки
На лиловом большом валуне,
И тростник шелестит им на ушко
Про полёты в ночной синеве.

Не торопятся к югу подружки:
Хорошо им в болоте родном!
Распластавшись на влажной подушке,
Наслаждаются солнечным днём.

Но вдруг вздыбилось в брызгах болото,
В небо взмыли, галдя, косяки,
В стаю сбившись, в последнем облёте
Прочертили по небу круги.

И лягушки, сгорая порывом,
Вдруг пустились оравою вслед:
Проводить вдаль гостей торопливых,
Передать им прощальный привет…

Пролетая, галдя в нетерпенье,
Лягушиные взгляды пленя,
Вдруг повисли они ожерельем
На груди тихоструйного дня.

Кедр

Высок он, кряжист, мрачноват,
Вельможа леса, царь природы.
Широк и крепок, грузноват…
Пред ним, обросший, крутолобый,

Лежит, угрюм и одинок,
Охваченный ленивой думой
Застывший камень возле ног,
Вдали от гама и от шума.

И кедр, нацарствовавшись всласть,
За день устав от полномочий,
Мечтает бросить трон и власть,
Прилечь на камень среди ночи.

И лишь сойдёт на землю мгла,
Он к камню тянется с поклоном
И от отчаянья и зла
Гудит могучим баритоном.

Рябиновая шуба

Огнисто-вишнёвую шубу
На гибкие ветви рябин
Накинула осень-голуба,
Пылает наряд, как рубин.

Застыла под ним статуэткой
Рябина, сама не своя,
Какой-то заезжей кокеткой,
Случайные взгляды маня.

Накрылась вуалью тумана,
Завесилась гроздьями птиц
И рано, смущённая, рано
С плеч шубу обрушила вниз.

Ноктюрн

Солнце садится за горы,
Вздыбленные рекой,
И разлетаются хоры
По тишине золотой.

Вот перекат. Суетится,
Плещет игриво волна:
То вдруг раскинется ситцем,
То вдруг свернётся она…

Бьются с разбегу о стену,
В узкий врываясь створ,
И обращаются в пену
Воды уральских гор.

Юркнув легко и ажурно,
Пласт свой скрутив жгутом,
Речка запела ноктюрны,
Синим расцветилась льном.

Чу, вот опять стекленеет,
Вздрогнув, как палый лист,
И… монолитом реет,
Рушится в бездну ниц.

Очищение

Сила просится развернуться,
На подворье мороз бодрит.
От сугробов сараи гнутся.
И дымок над селом парит.

Отряхну я ночную негу,
На крыльцо босиком шагну,
Почерпну я в пригоршню снега,
Охоложу себя, оботру.

И вольётся под кожу свежесть,
Пропитает меня насквозь.
И душа, воспаря и тешась,
Вновь вернётся, как званый гость.

Схимница

Тихим летним вечером
Я стремлюсь туда,
Где под клёкот кречета
Мирно спит вода.

Где дикарка снежная,
С хрупкою хвоёй –
Лиственница нежная
Плачет над судьбой.

С присвистом и шелестом,
Жалуясь реке
На холодность вереска
В дальнем далеке.

А в ответ доносится
Перекличка гор.
И на гольцы просится
Тёмно-синий бор.

Листья обронённые
Кружат по воде,
Вязнут, утомлённые,
В тине-бороде…

Я сижу у берега
И смотрю закат,
И спиной, как пеленгом,
Ощущаю взгляд:

Схимница суровая,
Простерев ладонь,
Ветками еловыми
Колется – не тронь!

Гнездо

На сохлой лиственнице гнездо
Огромною рваною тучей.
Вкраплённое в синее небо оно
Рукой исполинской могучей.

Гнездо как корабль бороздит синеву –
Безмерна под деревом бездна.
Дождями с ветвей оборвало листву,
Ствол солнце натёрло до блеска.

Внизу только скалы – попробуй упасть,
И пропасть вдруг ринит навстречу,
И примет добычу раскрытая пасть,
Кусая, корёжа, калеча…

И вдруг, ниоткуда, присядут они,
И царствовать будут отныне
Орёл и орлица, как две головни,
Погасшие здесь на вершине…

Рассыпалась в прах лубяная изба,
Лишь только гнездо в небе вечно,
От острых когтей круговая резьба
Навита длиной в бесконечность.

Пройдёт десять лет или сто в тишине,
Орёл с горделивой подругой
Сидеть перемётной сумой в вышине
Вновь будут, царя над округой.

Рождение

Звенит в ночи ручьями меж корней
Провинция, купая ветви елей.
Луна, склонившись трепетно над ней,
Играет на космической свирели.

Мозаика из выстроенных изб
Пространство перемешивает снова.
Провинция – из сотен тысяч лиц
В букете лютиков и болиголова.

Тот запах, словно ладан и елей,
Полынно-горький и медово-снежный
Как аромат непаханых полей,
Тягучий, разрывающий и нежный

Уходит в звёзды млечной пеленой,
Мерцающею лунною дорожкой
И, возвратившись влажной чернотой,
Стучит дождём в раскрытое окошко.

И я смотрю на звёздные огни,
Которые всё ярче с каждым часом.
И кажется, что в небе расцвели
Не звёздочки, а россыпи алмазов.

Предчувствие весны

Ещё поля в студёной дрёме,
В безмолвной дымке сонный лес.
Как деревенские кулёмы,
Стога окрест на двести верст.

Ещё снега ничуть не тают,
Но птицы звонче песнь поют,
И птицы эти что-то знают,
И эти птицы что-то ждут.

Зарубка

Природа начиналась за воротами:
Лесная глушь с нехоженными тропами.
Лес то пугал, то мучил, то ласкал,
То хлёстко бил, то нежно обнимал.

Лесная и нетронутая глушь
Трубила, барабанила свой туш.
А мы, разволновавшись не на шутку,
Искали незаметную зарубку,

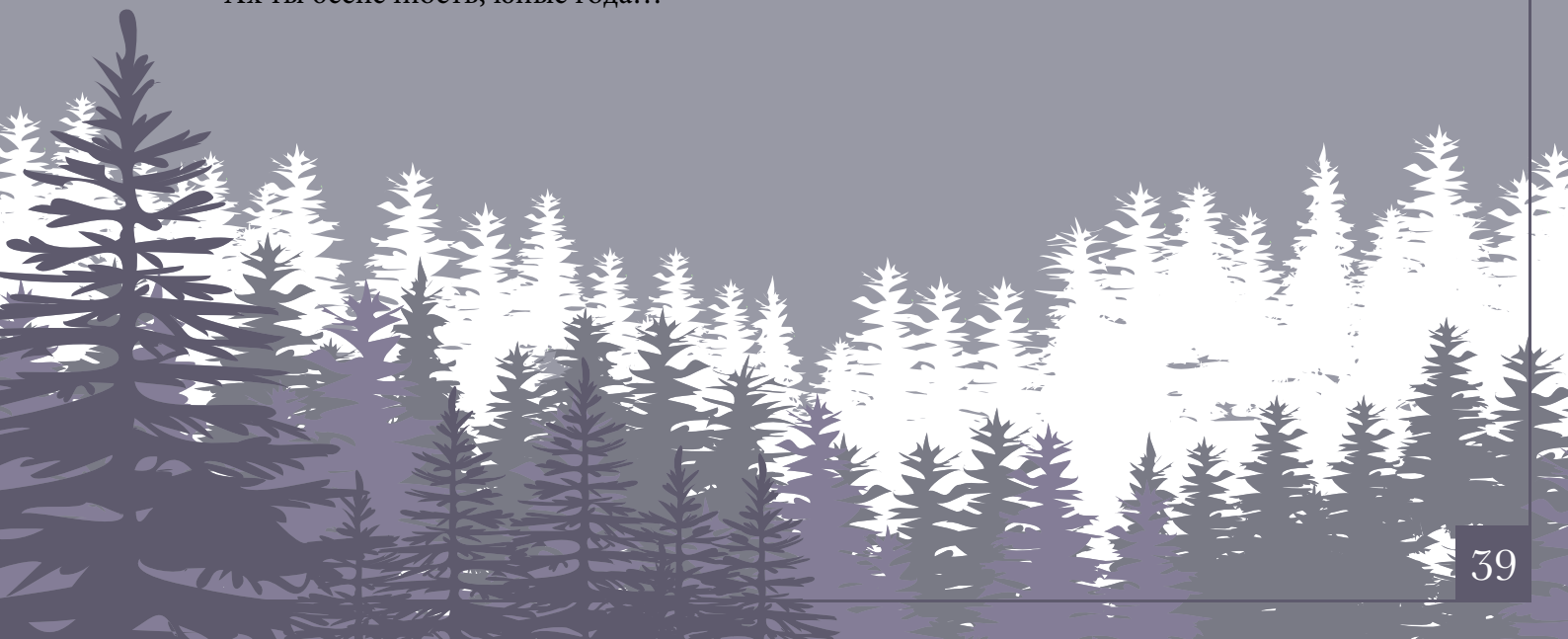
Что выводила слабых и измученных
К какой-нибудь речной излучине.
И по реке бодрее шли тогда,
Ах ты беспечность, юные года…

Сосновая Русь

Сосны упираются в синеву небес,
Бирюзовой краскою отливает лес.

А над ним колышется аромат хвои,
И плывут сосновые в небе корабли.

И цветёт, и празднует у меня душа.
Ах ты, Русь сосновая, как ты хороша.



Озеро подо льдом

Дышит озеро подо льдом,
Тяжким вздохом окрестность пугая.
Вспоминает оно о том,
Как тепло было в солнечном мае.

Как бежала к нему с утра
И несла бесшабашную радость
Босоногая детвора…
И куда-то вдруг лето умчалось…

Облетела листва, дожди
Пронеслись по воде, пробежали.
Детвору на заре не жди,
Вновь примчится сюда едва ли.

Не поднять, не погнать волну,
Не зазвать босоногих в воду,
Лёд холодным огнём блеснул,
Уж не вырваться на свободу.

Плачет озеро о былом:
Лето выцвело и завяло,
И тихонько грустит о нём
Вязко кутаясь в одеяло.

Весна из зимы

Вытекает весна из зимы,
А в весне отражается лето.
Истончается сила луны
И опять наливается светом.

Отодвину я штору, возьму
До небес дотянусь из оконца
И сниму с небосвода луну,
Пусть скорее поднимется солнце.

Мороз - купец

Над яркими полянами
Сияющих снегов
Везёт путями санными
Меж белых облаков

Морозко в ста коробочках
На резвых скакунах
Наряды стройным ёлочкам
В ларцах и сундуках.

Сугроб молочный светится
Кристалликами звёзд,
В нём ёлки тихо шепчутся:
«Что нам привёз Мороз?»

Всё разложил по полочкам,
Всем угодил Мороз:
Подружкам нежным ёлочкам
Серёжки преподнёс.

В усы свои ледóвые
Мурлыкая мотив,
Мороз платочки новые
Надел на кроны ив.

Стог инеем игольчатым
Красиво опушил.
И кружевом узорчатым
Сугроб припорошил.

А хвойный бархат зелени
Красавицы сосны
Закутал он метелями
До будущей весны.

Тишина

Очаровательный миг тишины:
Пенье воды, шелест талой водицы…
Бархат ветвей вековухи-сосны
Мягко шуршит и во тьме серебрится.

Нет комариного гнуса ещё,
А аромат от берёзовых почек
С дымом мешается, с прелым хвощём,
С мягкой травой гуттаперчевых кочек.

Веющий ветер ласкает траву
И, припадая, её шепчет про лето.
Звёзды срываются с круч в синеву,
Чтобы услышать признание это…

Весна пришла

Пришла весна. Сияет солнце.
И на дворе уже тепло.
Стучит капель в моё оконце,
И я шагаю без пальто.

Из-под земли пробилась травка,
Начистил глянец старый пень,
И муравьи в ужасной давке
Спешат куда-то целый день.

Ещё вчера грустили липки:
Им было нечего надеть,
А нынче все в листочках липких,
На них так радостно смотреть!

Пчелиный арьергард

Дрожат на вишне лепестки,
Набухшие росой.
Искрятся нежные цветки
Алмазом, бирюзой.

Звенит, звенит в густой листве
Пчелиный арьергард.
Ныряют пчёлы в синеве,
Пригоршнями летят.

Пятнает солнце медью сад,
Бегут лучей штрихи.
Струится чудный аромат –
Вишнёвые духи.

Пылает яблони костёр
И стелет сладкий дым.
В саду щебечет птичий хор:
«Тень-тень, теп-лынь, теплынь!»

Резвятся в воздухе стрижи
И режут синь крылом.
Под солнцем яблоня дрожит,
Вскипает молоком.

Первый полёт

Над нами зелёная иволга
Летает быстра и легка.
И кличет детёныша милого
Туда, где пестреет река.

На землю чужую, далёкую
Глядит желторотый малыш,
На рыжую ленту дороги,
На тени бревенчатых крыш.

А в небе широком – ни облачка,
Сияет лазурная высь,
Горит земляничное солнышко,
И буйствует красками жизнь!

Соловей

В лилово-голубом кусте сирени,
Среди развесистых русалочьих кудрей,
Запел, защёлкал в ночь
пронзительные трели
Волшебник сада, чародейник – соловей.

В зелёном блеске лопухов ночного сада
Дрожала жемчугом молочная роса,
Лилась в лазоревом сиянии серенада,
Дорожкой млечной уходила в небеса.

В фарфоровых сиреневых бутонах
Звучал и буйствовал задористый хорал.
Звук рассыпался по аллеям перезвоном,
То колокольцем таял, обмирал,

Вновь возносился облачком до неба,
И эхо вторило за рощицей ему;
То вдруг кузнечиком выщёлкивал
нелепо,
То обрывался, невесть почему.

На скрипке запевала из сирени
В ночь выводил гирлянды серенад.
Переплетались под луною веток тени,
И аплодировал маэстро тёмный сад.

Запах черёмухи

Сладкий запах цветов черёмухи
Разбудил меня поутру.
Раскатились по небу сполохи,
Значит, дождь усмирил жару.

И запел-засвистел соловушка
Свой изысканный менуэт,
И подруга своей головушкой
В такт кивает ему в ответ.

Песней этой нельзя наслушаться,
Как нельзя красотой наглядеться.
Всё плохое внезапно рушится,
Я шагаю обратно в детство.

В лесу

Поляны зыблются цветами,
Блестят несмятою травой.
Уходят кочки под ногами,
Хрустя опавшею хвоёй.

Чуть набекрень задвинув шапки,
По мелкотравью тут и там,
В пролеске высятся обабки,
Прильнув к берёзовым листам.

Здесь подпирают небо ёлки,
Нанизав солнце на шипы.
И сверху сыплются осколки
Невероятной красоты.

Лежат они во мху зелёном,
В овражке с ясною водой,
Пятнают светом листья клёнов,
Мерцают утренней звездой.

Спит лес, от песен утомлённый.
Не шелохнётся, не вздохнёт.
Один лишь лось заворожённый
Листок задумчиво жуёт.

На сизоватой голубике
Синеет восковый налёт.
Горячий воздух к землянике
Всё с поцелуем льнёт и льнёт.

В зелёном мареве пейзажа
Желтеет пышный зверобой…
Нет ничего на свете краше
Моей провинции родной!

Цветенье льна

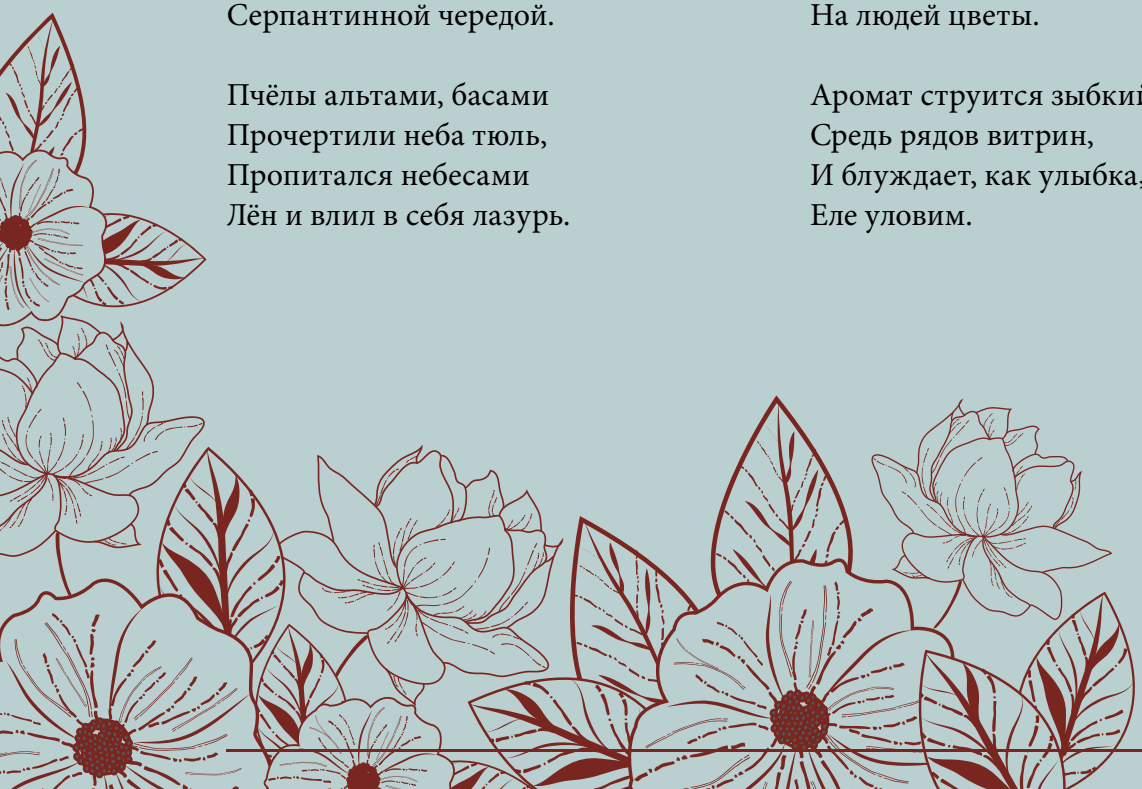
Цветы

Дивно пахнет ясный воздух
Хрустким яблоком, хвоёй.
Облака ушли на роздых
Серпантинной чередой.

Пчёлы альтами, басами
Прочертили неба тюль,
Пропитался небесами
Лён и влил в себя лазурь.

С фотографий в тонкой раме,
Дивной красоты,
Смотрят влажными глазами
На людей цветы.

Аромат струится зыбкий
Средь рядов витрин,
И блуждает, как улыбка,
Еле уловим.



На исходе лета

Кротко тихое сиянье
Предосенней красоты.
Ивы мёрзлое мерцанье
Да фарфоровой листвы.

Переломан, перепутан
Блеклый лес дремучих трав,
Паутиною опутан –
Укротил свой буйный нрав.

Наползает тьма волчицей,
День короче, ночь длинней.
Всё грустней лесная птица,
Лес дремучий всё мрачней.

Расправляется над бором
Серебристое руно:
Звёзд таинственных узоры
И литой луны пятно.

А наутро сизой дымкой
Встанет с озера туман,
Тронет ветер-невидимка
Гривы ломкие полян.

Ярко-белые берёзы
Плачут жёлтою листвой,
И блестят на листьях слёзы
Непросохшею росой.

Жёлто-розовым кораллом
Выползает из-за туч
Солнца диск за перевалом
Над чертой червонных круч.

Пряный запах от болотца,
Трав и водорослей дух
Над землёй дремотно вьётся,
Оседает, словно пух.

Лес что скатерть-самобранка:
Из орехов и грибов,
Ждёт удача на полянке
Расторопных грибников.

Закат

В пламени вечернего заката
Солнце на жердяный частокол
Село, посидело и куда-то
Покатилось дальше за забор.

Разлилось по полю рыжей краской,
Все заполнив светом уголки,
Обронило по дороге в быстрой пляске
Ленту серебристую реки.

И, качнув снопом своим нестойким,
Разметало, словно угольки,
Светло-золотистые осколки,
Белые ночные мотыльки.

Свеча

За кружевами чугунных решёток
Парковых ржавых оград
Тянется стебель. Безлист он и тонок,
Прелой листвой зажат.

Чёрные липы его обступают,
Ветер сгибает и рвёт,
А он, наивный, для них зажигает
Свой ясноглазый цветок.

Словно свеча в храме старого парка
Между колоннами лип
Трепетно, нежно, таинственно, жарко
Желтый цветок горит.

В ночи

В золотисто-жёлтом фраке
В небо выплыла луна.
Драгоценным камнем мрака
Залучилась, замерла.

От осин пунцовых рденье –
В небо мечутся костры…
Подвергаются плавленью
Звёзды дивной красоты.

Источая свет холодный,
Перламутр, голубизну,
Звёзды требуют полотна,
Кисть художника – весну.

И, усевшись в подорожник,
Словно гений Тициан,
Ночь – божественный художник –
На лугах малюет стан:

Безмятежная Даная –
Чувств земных переполох…
Рвутся ангелы из рая
С неба вниз, в чертополох.

Огонь

Как молодой необъезженный конь,
Пляшет в ночи ярко-красный огонь.
Радостно скачет меж трепетных звёзд,
Дымный за ним развивается хвост.

Ох, разрезвился жеребчик игривый:
Звёзды запутались в конскую гриву,
Сыплются искрами из-под копыт –
Небо пылает, небо горит.

Я успокою буяна-коня
И посижу у ночного огня.

Светёлка

Чистая светёлка –
Снежный березняк! –
Искромётным шёлком
Рассветляет мрак.

На жемчужной пыли
Тень ветвей дрожит:
Снежно-голубые
Бродят миражи.

А в светёлке белой
Вьюжится метель
И взбивает в пену
Снежную постель.

Деревца-девчонки
Рвутся на балы,
В светлый шлейф позёмки
Кутая стволы.

Утро города

Ещё ты только встал с постели,
Глаза спросонья трёшь рукой.
На щётку мажешь свежесть геля
Зелёной мятной дугой…

Ещё глаза твои смежатся,
И тычешь щёткой невпопад,
А капли радужные мчатся,
Как Ниагарский водопад.

Припев:
А солнце в окна врывается,
И день опять начинается.
И фиолетовым облаком
Сирень колышется мокрая.
А город нам улыбается,
В витринах весь отражается.
И трав зелёные коврики
С любовью стелет нам под ноги.

И жмуришь ты глаза невольно
От света лампы в зеркалах.
Расчёской водишь недовольно
В густых свалявшихся кудрях.

И вновь глядишь на отраженье
И за себя безмерно горд…
И, завершая наслажденье,
Жуёшь любимый бутерброд!

Припев:
А в окна солнце врывается,
И день опять начинается,
И фиолетовым облаком
Сирень колышется мокрая!
А с улиц звуки доносятся,
Машины взад-вперёд носятся.
И воробьи как безумные
Горланят песенки шумные.

…И воробьи как безумные
Горланят песенки шумные…

Вдохновение

Ранняя осень пронизана
Летним ещё настроением.
Ягод на стебель нанизано…
Всюду – одно вдохновение!

Хочется в рощу-дубраву:
Холст взять, палитру и кисти,
В яркую сунутся лаву
Жгуче-оранжевых листьев.

Жёлтую прядку берёзы
Скину со лба, словно чёлку…
Долго ещё до морозов,
В парке дрозды без умолку.

Последняя осень

Неброской, неяркой и скромной
Девчонкою поздняя осень
У речки холодной и тёмной
Всё ищет мечтательно просинь.

Пейзажи не радуют взгляда,
И птицы не слышится боле.
До лета сложило наряды
В сундук свой поникшее поле.

Приветствуя зиму, как видно,
Кустарник ломает злой ветер,
А мне так обидно, обидно –
Куда всё ушло, не заметил.

Полынья

Кружась, по ледку разбежалась,
Как бархат игривый, листва.
Ладошкой дрожащей прижалась,
Лежит – ни жива, ни мертва…

Тростник над водою качался,
Снедаем седой тоской,
Он будто навек прощался
С осинником и рекой.

Ленивые гладкие волны
Выкатывались на лёд,
И дул в вентиля валторны
Мелодию из трёх нот

Колючий промозглый ветер…
Но вот даже он заглох
И, словно бы пойманный в сети,
Упал на хрустящий мох.

И лишь полынья мерцала,
Уставив в ночь влажный глаз.
И в нём, как в блестящем зало,
Луна начинала пляс.

Весеннее

Сквозь хоралы и фуги
Зарядивших дождей
Вдруг просунулся юркий
Лучик солнечных дней.

Свесил солнечный локон
С неба огненный шар,
Снег скукожился в кокон
От Ярилиных чар.

Вислоухий, осевший
Грязно-белый сугроб,
От тепла захмелевший,
Сунул в лужицу лоб.

Развесёлым паяцем
Талый корчится лёд,
Он сиреневым глянцем
Заиграл среди вод.

Зазвучала, запела
Голубая капель,
И земля закипела,
Это грянул апрель!

Весенняя песня

Глаза слепит сверканье
Бурлящих с круч ручьёв,
Весны очарованье,
Земли окрепшей рёв.

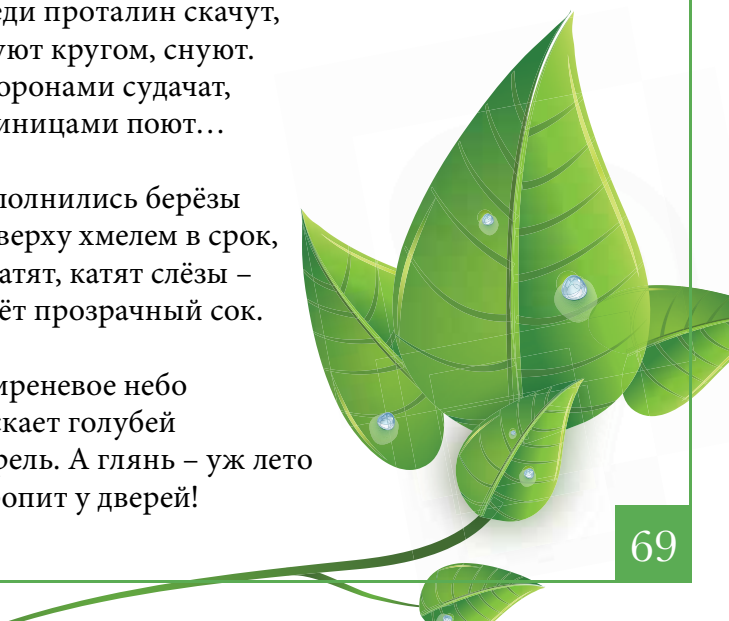
То пенье, то вдруг клёкот,
То барабанный стук –
В одном сплошном потоке
Летит, струится звук.

Трещат, круглеют почки,
Ожили муравьи…
Уж первые листочки
Пробились… Воробьи

Среди проталин скачут,
Снуют кругом, снуют.
С воронами судачат,
С синицами поют…

Наполнились берёзы
До верху хмелем в срок,
И катят, катят слёзы –
Течёт прозрачный сок.

В сиреневое небо
Пускает голубей
Апрель. А глянь – уж лето
Торопит у дверей!



Крушение зимы

В сизой дымке чёрный лес,
В серебре осины.
Голенастый лось пролез
К лугу сквозь трясину.

Чу, погнало сорочьё
Зайца по оврагу,
Разыгралось дурачьё –
Так и лезет в драку.

Облепив, галдя, кусты,
По-фазаньи важно
Стая выгнула хвосты
Чопорно, куражно.

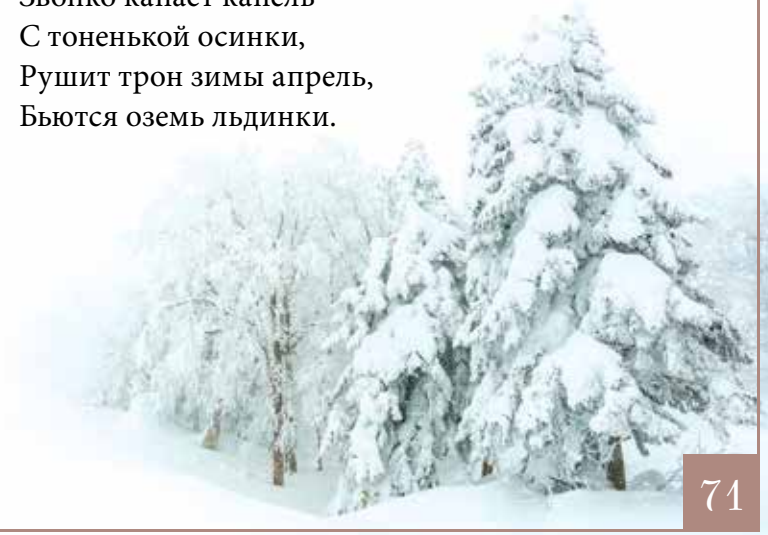
И бормочут косачи
На сорок сердито,
И надулись снегири
Яблочком налитым.

Розовеет медный ствол,
И вздыхают сосны:
Тут глухарь слетел на дол,
Вертится несносный.

Выгнул красною дугой
Брови-коромысло,
Отливает бирюзой,
Яшмой, аметистом.

Щиплет хвою и ворчит,
Зоб набил свой туго
И от сытости урчит,
Ходит круг за кругом.

Звонко капает капель
С тоненькой осинки,
Рушит трон зимы апрель,
Бьются оземь льдинки.



Сеятель

То ли поёт, то ли молится
Старец с седой бородой.
Сыплет на землю он сторицей
Дождик семян золотой.

Свет из горсти разлетается,
Льётся на тысячу вёрст,
А из земли поднимается
Зелень и движется в рост.

Быстро, красиво, стремительно
Шествует следом Весна,
То, что Зиме утомительно,
Ловко подхватит она.

У пруда

Редеет лес. Уж пруд навстречу
Открылся, зеркалом блестя.
Слышней в оврагах птичьи речи,
Звучнее трели соловья.

Медовый клевер взгляд ласкает,
Горит сиреневым огнём.
И лес, смущаясь, отступает,
Боясь обжечься об него.

В лазурных волнах дремлет ветер,
Внимая трелям соловья,
И пруд без ветра тих и светел,
И свеж, как майская заря.

Calvin Klein

Пробуждение

Трепещут капли пред прыжком,
Скользя из темноты:
Настал в природе перелом –
Дожили до весны!

Под тонкой сеткою дождя
Озябший клён дрожит.
Он просит солнца и тепла,
И почками трещит.

Полдень

Ива плакучая косы полощет
В тёплом теченье реки.
Воздух полуденный спрятался в роще
В томной прохладе ракит.

Тихо… Лишь слышится шлёпанье вёсел,
Лодочки лёгонький скрип.
Да колыхают заснувшую просинь
Шорохи медленных рыб.

Стакатто

Ломкий зигзаг прочертил
Тёмную полосу неба,
И вдруг рванул, что есть сил,
Новый гром яростно где-то.

Чу, вот опять тишина…
Птицы запели сильнее,
Резко запахла трава,
Стала поляна темнее.

Снова – дрожащий зигзаг,
Гром оглушающий, резкий…
И неожиданно: «Кап!»
(Будто задели за леску).

Звуком наполнилась даль,
Клавиши давят раскаты…
Выставив в небе рояль,
Дождик играет «Стаккато».

Под солнцем

Снопы накаляются солнцем,
Испито уж лето до дна.
Сквозь стенку прозрачного донца
Прядь осени рыжей видна.

Настоян на тысяче травах
Сиреневый воздух в лесу,
Глядь – с веток берёз кучерявых
Потёк первый листик в траву.

Как свитки папируса, гнутся
Опавшие листья ольхи.
Пылают пятнистые блюдца,
Усыпав пушистые мхи –

Большие грибы-мухоморы
Поднялись над жёлтой грядой
И тешат случайные взоры
Своёй скоморошьей красой.

Лужица

На солнце лужица –
Ясней стекла.
И смотрит, жмурится
В неё весна.

А с крыш излучины
Да на карниз,
Цветные бусины
Несутся вниз.

С крыш сыплет крошево
Цветной горох!
И огорошена
Весна врасплох.

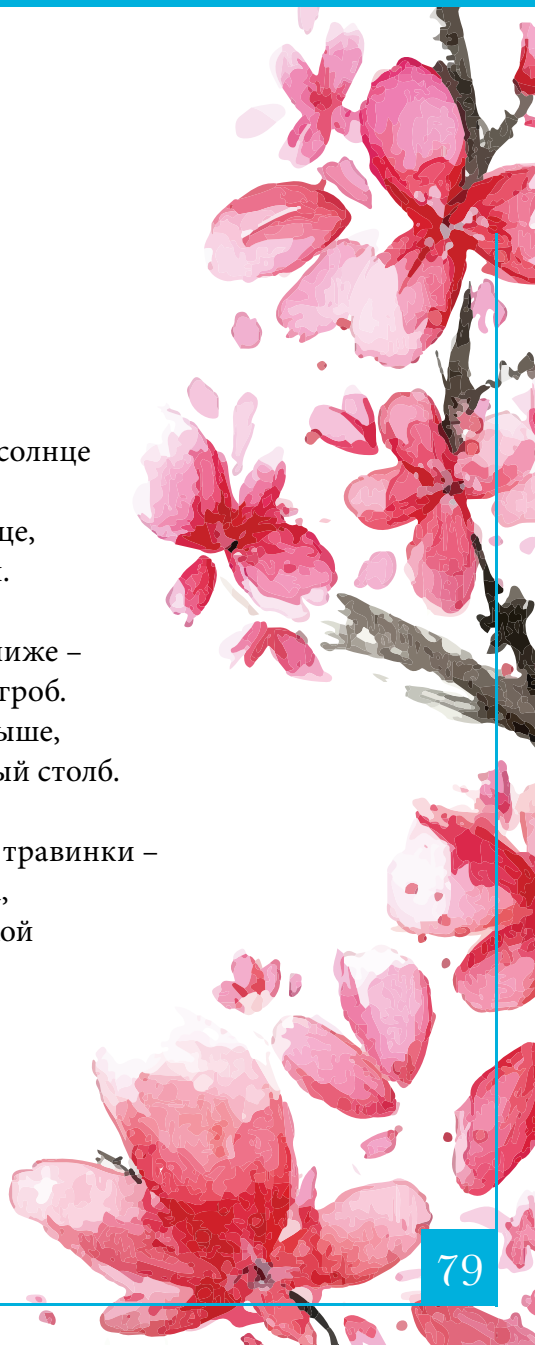
В лоскутном платьице
Да босиком
Весна-красавица
Стучится в дом!

Капель

Смахнуло с окон солнце
Узоры февраля,
И моет мать оконце,
Весну рукой маня.

Всё ниже, ниже, ниже –
Совсем просел сугроб.
И стал намного выше,
Чем был, фонарный столб.

В рост тронулись травинки –
Очнулись ото сна,
Шагает невидимкой
По улицам весна!



Скворцы прилетели

Всё утро растревожили
Пернатых голоса.
Луга проснулись, ожили,
Наполнились леса.

Скворцы вернулись, празднуют,
А тут, а тут, а тут
Сияет солнце ясное
И бабочки снуют.

Певец от счастья носится
Звенит шальная песнь,
По воздуху разносится:
«Я здесь, я здесь, я здесь!»

Скворчихи откликаются
На сотни голосов
И в гнёзда возвращаются
Высиживать птенцов.

От песен просыпаются
Громады-города
И птицам улыбаются,
И всюду – красота!

TELEPHONE

Весна грядет

Слегка пригрело солнышко
Деревья-снегоноши,
И стаял вмиг до пёрышка
Лебяжий пух пороши.

Земля, водой набухшая,
Дымит парным дымком.
Плетёт на вербе кружево
Лучом-веретеном

Сияющее солнышко…
Вот дрозд присел на пень,
Прочистил важно горлышко
И начал свою песнь.

Барашки верб пушистые
Желтеют от тепла,
За ними и душистая
Вслед ива зацвела.

Засуетились рябчики –
Им нынче не до сна,
И снуют как будто мячики:
Весна пришла, весна!

Утомлённая краса

Зори как-то посвежели:
Холод осени сквозит!
Глянь – на лапах старой ели
Седина росы блестит.

Увлажнённая туманом
Почва просит теплоты –
Из ботвы и из бурьяна
В огородах жгут костры.

Провисает паутина –
Набухает шёлк дождём,
Обрывается незримо,
Мчит по лесу колесом.

Сизой дымкой низко веет
С поймы луга по утрам,
Зелень пышная тускнеет,
Увядает тут и там.

Засыпает вся природа,
Меркнет красок пестрота:
Утомилась, видно, что-то
Фея леса – КРАСОТА…

Мать-и-мачеха

Птицы… Кончился покой,
Почернел пригорок,
Говорливою рекой
Снег спустился с горок.

Оживился бурый дёрн,
Отошёл от дрёмы,
Мать-и-мачехи ковёр
Выстилает склоны.

Засияли по лугам
Первоцветы лета,
Их детишки тут и там
Соберут в букеты.

Посерели, скучились
Снеговые горы,
Солью грязной, крупчатой
Вывели узоры.

На крылечке – бабушка
В стареньких очочках,
Выложит ей рядышком
Внук свои цветочки.

Поплывут, засветятся
На лице морщинки.
Добротой расцветятся,
Задрожат слезинки.

Возвратит ей молодость
Стебелёк безлистый,
Засияет золотом
Огонёк лучистый…

Уснувшая осень

Сияют начёсы развесистых сосен,
Горит серебром бахрома.
Под снегом пуховым покоится осень,
Ей сны навевает зима.

На светлопушистых крылах облетая
Владенья земные свои,
Зима, как ребёнка, её укрывает
Под снежною толщей парчи.

Русак

По заснеженному гребню
Нёсся дымчатый русак:
Убежал он из деревни
От мальчишек и собак.

Вот присел он, оглянулся
И давай в снегу петлять.
Подскочил, дугой прогнулся,
Взад-вперёд пошёл скакать.

Почерк сбивчивый оставил
На серебряном снегу,
Уши длинные расставил
И под ёлочку шмыгнул.

Снег

Ничто не предвещало снег,
Лишь дул упрямый ветер.
Как будто нудный человек,
Скрипели окон петли.

Все ждали: будет снова дождь,
Холодный дождь, осенний.
Спешили люди с улиц прочь,
Росли деревьев тени.

Вдруг почернел весь небосвод,
Сгустились в небе тучи,
Пахнуло свежестью, и вот
Пробился слабый лучик.

На пожелтевшую траву
Из сумрачной пустыни
Снежинки крупные плывут
Рядком тетрадных линий.

Смешались вместе твердь и хлябь,
Нарушив цикл в природе,
И завертелась снега рябь
В молочном хороводе.

И, принимая снег, во мгле
Холодной и немилой,
Не подготовившись к зиме,
Земля тепло точила.

Снег на глазах тускнел, серел
И превращался в кашу.
И, наконец, исчез, сгорел,
Осев на окнах сажей.

Проста и ослепительна

Весна-весна шагает.
Умолкла Вьюга грозная!
В снежки с Зимой играет –
Такая несерьёзная.

Смотрите, как стремительна,
Не усидеть на троне ей,
Проста и ослепительна,
Наивна и с иронией.

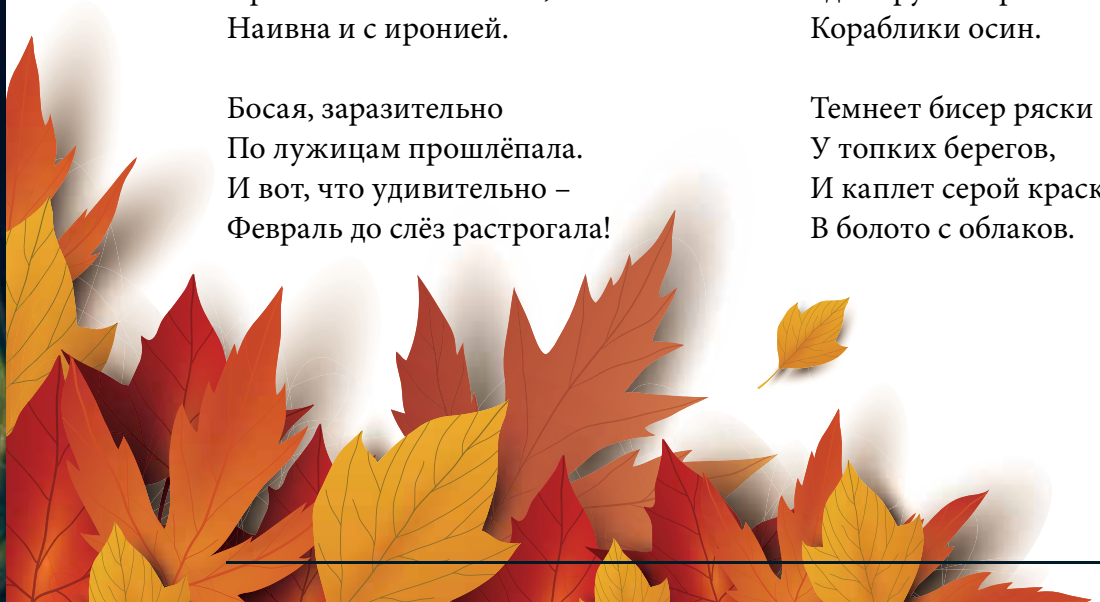
Босая, заразительно
По лужицам прошлёпала.
И вот, что удивительно –
Февраль до слёз растрогала!

Трясинистое место

Трясинистое место:
Осока да камыш.
Пыхтит лесное тесто,
Шуршит, как будто мышь.

Лягушки цепенеют
На рыжих мхах трясин,
Где парусами реют
Кораблики осин.

Темнеет бисер ряски
У топких берегов,
И каплет серой краской
В болото с облаков.



В пожаре облаков Речка

Горит в пожаре облаков
Огромный красный шар.
Он гонит в речку, в сень садов,
В тенистый сквер и парк.

В душистом запахе травы
Купается пчела.
Крапива вылезла за тын,
Зарделась, зацвела.

Стрекозка бантиком висит
Над зеркалом воды.
Меж синих крыльев ветер спит,
Сомлевший от жары.

Среди лугов зелёных вилась
И всё куда-то торопилась.
Боясь как будто опоздать,
Вновь принималася бежать.

А ей бы лечь и отдохнуть
И не спешить куда-нибудь.
Но лишь чуть-чуть она заснёт,
Как рыба вдруг хвостом вильнёт

И зашуршат вдруг камыши,
Как будто мыши: «Шир-шир-шир!»
Лишь месяц выглянет – тогда
Она застынет, как плита.

И заблестит, и заблестит,
Как будто камень лазурит.
И станет реченька на диво
Вдруг ослепительно красива.

Но вот опять плотва забилась,
Река мгновенно оживилась,
Пошла, пошла, заторопилась
И вся морщинами покрылась.

Осенние дни

Лето отступает,
Никнет лес в ночи,
Солнце укрощает
Пылкие лучи.

Клонит ёлки ветер,
Как огромный джин,
Он добраться метит
До седых вершин.

Лес свой нос повесил,
Сгорбился слегка.
На спине у леса
Дремлют облака.

Смолкли птичьи звуки,
И осенний лист
Потянулся к югу
Вслед за стаей птиц.

Осенний берег

Тени ходят по равнине,
Как по небу облака…
Стаей белой, журавлиной
Полетела с ив листва.

Плачет где-то тихо птица
В голых ветвях ивняка,
Ей о родине грустится:
Завтра – в дальние края.

Заткан пруд зелёной ряской,
Занавешен лопухом.
Красит осень серой краской
Воду кистью-камышом.

Пахнет сыростью, туманом,
Набухает влагой пляж…
Лето кончилось так рано,
Растворилось, как мираж.

В липовой алее

В липах воздух медовой.
Красные деньки!
Под растресканной корой
Терпкий сок кипит.

Словно призрачный мираж,
Между мятных лип
Спит хозяйский пёс Кудряш,
Высунул язык.

Часто дышит, лаять лень –
Только слабый рык
(Подползти бы под плетень
И в тенёчек – прыг!)…

Пьют божественный нектар
Пчёлы день-деньской,
Нипочём им солнца жар,
Незнаком покой.

Воздух пышет и дрожит
Жаркою струёй,
Солнце яростно палит,
Сушит землю зной.

Перед дождём

Берёзы, осины, кусты ивняка
Простые наряды надели.
Всё хмуро и блекло. Темнеет река,
Чернеют озябшие ели…

Оранжево-серый цвет жухлой травы
Пятном проступает на склонах.
Желтеет в степи длинноногий ковыль,
Под ветром сгибаясь в поклонах.

Закутались горы в лесные плащи,
Насупились в полном презреньи.
В их недрах бушующих сердце трещит,
И рвутся они в наступленье…

Осины трепещут, зовут облака
И смотрят на небо украдкой.
Листва с тонких веток, пускаясь в бега,
Горит пред дождём лихорадкой…

И вдруг рассёк небо блистательный луч,
Наполнился воздух озоном,
Громады червонных клубящихся туч
Поплыли над речкой со стоном.

Колонною стройной въезжают на пост
Небес боевые фрегаты,
Пространство заполнив на тысячи вёрст,
Вниз шлют дождевые армады.

И в ту же минуту расцвёл горизонт,
Взметнулся бор пламенем красок.
Над речкой навис ярко-радужный зонт –
И стал мир вдруг сказочным сразу.

Тополиный пух

Тополиный пух кружится,
На асфальт ложится.
Пух-пушинка, словно вата,
Вату жгут в траве ребята.

Языки огня пылают,
Тополиный пух съедают,
Но портной – июньский ветер
Залатает дырки эти.

Пух летит сплошной стеной,
Словно снег зимой.
Пух в кармане, на ботинках,
Всё как в сказочной картинке.

Даже кто-то молодой
Стал от пуха весь седой.
Я ловлю пушок рукой,
Я возьму его с собой.

Тополиный пух кружится,
На асфальт ложится.
Пух пушинка, парашют,
Я иду туда, где ждут.

Я иду, конечно, к Вам,
Я иду по облакам.
Держатся за небеса,
Тополиные леса.

Речитатив

Говорливый и задорный
Птиц звучит речитатив.
Чу, запрыгали по дёрну,
Заплясали подле ив.

Гомон, свист, запев и рокот…
Вот синичка: «Ти-тю-те…»
Ей в ответ тревожный цокот –
Клёст стрекочет на сосне.

Блеск ликующего солнца,
Веер розовых лучей
Опоясал, что оконце,
Стаю чопорных грачей.

Синеватые деревья
Принакрылись гроздью гнёзд.
Млеет сонная деревня,
Завораживает дрозд.

Распевает на «отлично»,
Океана меря синь…
Подпевает стая птичья
Из ольховника: «Зинь-синь!»

Пробивается травинка,
Словно усик, из земли,
И, гарцуя, рвут былинку
Длинноногие грачи…

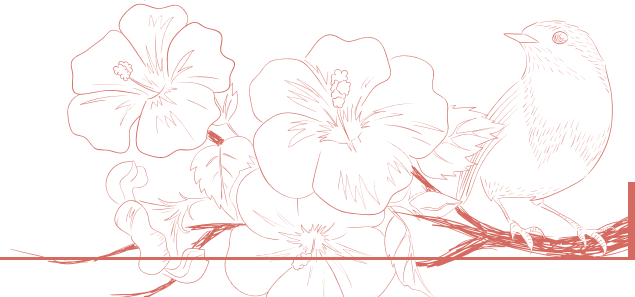
Ясноснежными глазами
Засверкали тут и там
Первоцветы на поляне,
Открывая бал цветам.

Ручейком звенят в лазури
Птиц весёлых голоса.
Льются, льются трелью струи,
Просыпаются леса!

Отряхают прах свой снежный,
Распрямляют частокол,
Надевают бархат нежный
На шершавый пыльный ствол.

Порассыпала «алмазы»
С ветки сонная сова.
Чу, просел, растаял сразу
Снег последний навсегда.

Глядь – уж жаворонок мшистый
Прогоняет с веток сны:
Запевает голос чистый
Песню звонкую весны.



Сумерки

Распластался по мху шифон
Заходящего майского солнца,
Бархатистым лёг облачком он
На поляны, луга и болотца.

Пируэтом ныряют в бору
Лучи солнца – жемчужные рыбки.
Трётся луч плавником о кору,
О сосновый ствол тёплый и липкий.

Угасает заката пурпур,
Ставя дню завершённому точку.
Солнцеликий светильник за шнур
Выключает весенняя ночка.

Всё слышнее журчат в тишине
Шептуны-ручейки по оврагам,
И встают частоколом во тьме
Перелески, кусты, буераки.

Веет тёплым парком от земли,
В шоколадную сбитую пену,
А на крышах села – журавли
Ждут зарю вешней ночке на смену.

Темень, темень – хоть выколи глаз!
Нет ни красок, ни звуков в природе.
Лишь луна затевает пляс
На вечернем немом небосводе.

Сладко пахнет лето

От цветов пестрит в глазах,
Воздух пахнет мёдом.
Солнце млеет в небесах –
Празднует природа.

Разгораются деньки,
И теплеет ветер.
Дремлют в лодке рыбаки,
Пруд прозрачен, светел.

Вьются быстрые стрижи
В бирюзовом небе,
Изумруд воды дрожит,
Колосятся степи.

В жарком воздухе снуют
Синие стрекозы,
Замирают там и тут
На ветвях берёзы.

Рдеет лес, дрожит в лучах,
Плавит свечи шишек.
Топоры в селе стучат
На сосновых крышах.

Бархатистый купол крон
Подпирает небо.
Зацветает синий лён:
Сладко пахнет лето!

Зеркало

Загляделась в ледяные
Стекла Белая Метель,
И наряды расписные
Поразвесила на ель:

Примеряет шёлк и ситцы,
Соболя и жемчуга,
Чернобурую лисицу
И блестящего бобра.

Алым отблеском сугроба
Пудрит щёки, лоб и нос…
Под луной сияет соболь
Миллионом млечных грёз.

А Метель красой играет,
Шубой вертит расписной
И сверкает, и сверкает,
Ослепляя белизной.

Нежность

Хочешь, я стану травой:
Выстелю бархатом путь,
Буду былинкой сухой
Нежно к ногам твоим льнуть…

Или из складок плаща
Пуговкой выкачусь вдруг
И оживу, трепеща,
Перерождаясь в звук.

И, воплощаясь в крик
Птицы печальной, ночной,
К женщине той, что приник,
Я опущусь на ладонь.
И бирюзовую нить
Вставит подруга в иглу,
Чтобы от сглаза пришить
Нежность к плащу твоему.

Предосенье

Горят червонной позолотой
Листвы опавшей лоскуты,
Скворцы готовятся к отлёту,
Усыпав голые кусты.

Яснеет бледный жемчуг неба,
Курится дымка над леском.
Не греет солнце. Словно репа,
Уткнулось в облако хвостом.

Листва всё ярче и румяней,
Лиловый в рощице туман…
А по утрам морозец ранний
Стеклянит лапчатый бурьян.

Гуляка-ветер гнёт осину,
Папирус рыжий рвёт с ветвей,
Гоняет клёнов парусину
И в путь срывает с якорей.

Стихли певчие птицы в лесу,
Не стрекочет в травинках кузнечик,
И крестьянин не ставит косу
По утру уже больше на плечи.

Предосенние ровные дни
В пирамидах пахучего сена.
Потянулись на юг журавли,
Всё виднее в лесу перемены.

Вяло в травах полощется шмель,
Облетает пунцовые вишни.
Повылазили к свету сквозь ель
Золотистые пуговки пижмы.

Предосенней поры красота:
Средь берёзок – рябины мерцанье,
В перламутре лучей береста,
И листвы пожелтевшей сиянье…

Гаснут, меркнут на клумбах цветы,
Блекнут в поле увядшие травы.
Заскучали без солнца сады,
Безголосые сникли дубравы.

Поляна

Охристо-жёлтая поляна
Среди безлистых голых ив.
Она зияет, словно рана,
Пространство мёртвое покрыв.

Поблекли травы, увядают.
Тускнеет мох и берега
От них седеют, тают, тают…
Темнеет сонная река:

Ни белых пенистых барашков –
Одна зыбучая лишь рябь,
Вода наполнила овражки,
И под ногами – лист да хлябь!
Погасло зарево осины
И желто-пламенных берёз.
И лес застыл, немой и синий,
И жалко лето мне до слёз.

Лосиными тропами

Под сизым пологом тумана
Обледеневший голый лес:
Пусты набухшие поляны,
Последний гриб в листве исчез.

Померкли краски листопада,
Осиротели дуб и клён,
Везде, куда хватает взгляда,
Один увядший ржавый дёрн.

В настиле ясны переступы
Лосиных дольчатых копыт:
Всё ищут мох большие губы
Между метущихся ракит.

Небо

Я лежу на песке и смотрю в вышину,
Где должно быть блестящее небо.
Ну а небо, что птица в железном плену,
Покрывалом закрыто нелепо.

И свисает с высот чёрным мятым мешком
Покрывало июльской ночи.
Пахнет сено ночное любовным стишком,
В нём кузнечик стрекочет-хохочет.

Месяц кистью умело наносит на холст
Россыпь звёзд на ночном небосводе.
Тот рисунок совсем незатейлив и прост:
Капли краски в свободном полёте.

Но внезапно с холстины скатилась звезда,
Вниз умчавшись из вечного мрака.
В речку – бульк! И в реке голубая вода
Расцвела нежной зеленью злаков.

Я к воде наклоняю с волненьем лицо –
Поглядеть на ночную причуду,
А в воде не звезда – золотое кольцо
С неземным голубым изумрудом.

Руки в воду свои, не спеша, опущу,
Зачерпну звёзд ночных отраженье,
И на небо, как птиц, снова их отпущу:
Пусть сияют там для вдохновенья!

На зимней поляне

Сгорбились ивы в снегу, как старушки,
Словно с поклажей бредут.
На серебристой пушистой опушке
Кружево вербы ткут.

Ёлка застыла и снежные лапы
Выставила вперёд,
Белой медведицей косолапой
Выйдя на скользкий лёд.

Пухнут сугробы в лесу от метелей,
Всё тяжелей покров.
Стужа лютует, и кутают ели
Ветви в парчу снегов.

Бликами снежные шапки играют
На голубых кустах,
Фосфорным светом равнины мерцают
В белых снегах-облаках.

Бродит художник застывшего леса –
Колкий морозный треск.
Кистью жемчужной сугробам-повесам,
Он добавляет блеск.

Стылый ветер

Ветер колючий, метельный,
Острый, немного хмельной
Пахнет сосной и елью,
Сеном, травой луговой.

Бродит с утра в перелесках,
В лапнике кедров ворчит.
Дует стремительный, резкий,
Вихри по просекам мчит.

Рвёт бересту с берёзы,
Будто сорвавшись с цепи.
Треплет ветвистые косы,
В дуплах сердито скрипит.

Путь свой закончив пеший,
На голубой небосклон
Вновь возвратился прежний,
Непокорённый он.

Тополь-корабль

Волнистые гребни сугробов
В сияющих волнах полей
Гоняют плечистый тополь,
Срывая его с якорей.

А он, молодой и звонкий,
Ветвями, как цепью, гремит,
И гнётся, упрямый, тонкий,
Пытаясь доплыть до земли.

А с неба девятым валом
Огромная катит волна,
Грозит снеговым обвалом
Ветвистому судну она.

И тополь срывается с места:
Всего-то осталось пути –
До острова хвойного леса
Версту по пороше пройти.

Берёза в снегу

Стоит берёза в солнечных лучах –
Несказанно, таинственно красива:
Хрустальный иней кружев на плечах,
В жемчужной россыпи развесистая грива.

Покоятся на ветках снегири
Кристаллами гранёного граната,
Мерцают в свете утренней зари
Манишки снегириного наряда.

Метелью от трескучих холодов
Закутана в лебяжий пух пороши
Берёзка, как Снегурочка из снов,
С блестящею атласной белой кожей.

Радуга

В лужице мохнатые воробьи
Разрезвились весело – посмотри!
Прыгают по лужице босиком,
В воду окунаются кувырком.

Бархатится рядышком – ожила,
Прелая, дымящаяся земля.
В небо гонит трепетный ветерок
От земли взметнувшийся вверх парок.

А из прошлогоднего, глянь, жнивья
Вылезли два новеньких муравья,
И взметнулся синенький мотылёк,
Как гонимый по ветру лоскуток.

Отшумел и ушёл летний дождь,
И опять с неба солнышко льётся,
Ты стоишь, с нетерпением ждёшь:
Может, радуга в нём развернётся?

И она незаметно пришла,
Чуть раскрасив небес покрывало,
Потихонечку в силу вошла,
Появилась, в лучах засверкала.

Улыбнулась тебе во весь рот,
Всеми красками лета играя,
Опоясала весь небосвод,
Протянулась от края до края.

Зимний вечер

Чернеет кайма можжевельника
По склонам искристых лугов,
Скользят тени дальнего ельника
Средь снежных пушистых холмов.

Пороша – в узорном сплетении
Синеют в ней лап письмена.
Оставлены здесь для прочтения
Всех птиц и зверей имена.

Обходит дозором владения
Прозрачная льдинка – луна,
Деревья – в оцепенении,
Плетут в тишине кружева.

И ходит меж них невидимкою
По звонкому снегу Мороз,
Любуется лунною льдинкою
И светом сапфировых звёзд.

Затихший лес

Подкралось лето незаметно,
Горячим зноем пышут дни.
В лесу от красок беспросветно,
Луга что пёстрые ковры.

На ветках ёлок в перелесках
Краснеют шишки на ветру,
Как будто медные подвески
Сияют в солнечном бору.

Смолк птичий свист, не слышно песен.
Не видно зябликов, дроздов.
И лес без птиц уныл, не весел,
А те – уселись на гнездо!

Но знаю я, что утром ранним
Свершится чудо из чудес:
Птенцов раздастся верещанье,
Вновь зазвучит лесной оркестр!

Иван-чай

Зацвёл на вырубке цветок
Июльскою зарёю.
Колышет лёгкий ветерок
Малиновое море.

Высок он стеблем, узколист,
Простое платье носит.
И хоть он с виду неказист,
Нет лучше медоноса!

Слетают пчёлы – кто быстрей,
Кружится дружный рой,
И принимает их кипрей
Пахучею горой.

Он первым в гарях запестрит,
Латая брешь в природе,
За то любим и знаменит
Цветок-первопроходец!

Он любит солнце и жару,
Тепло земли, пространство.
Он в рост подстать богатырю,
Ему по духу братство.

И лишь начнут желтеть леса,
Он семя рассыпает:
На милю в воздухе висят
Пушинки иван-чая.

Папоротник

Дремлет папоротник пышный
В тени лип, как старый пёс.
Обгоревший, жёлто-рыжий,
Бородой до пят оброс.

Разметал резные листья,
Словно косы на ветру.
Скоро в пальму превратится
В зной такой он и жару.

Гроза

Нависла вниз с небес гора, -
Сейчас польёт, как из ведра!
И сразу стало так темно,
Как будто кончилось кино.

И вдруг какой-то хулиган
С небес ударил в барабан,
И, разрезая темноту,
На землю молнию метнул.

А после – новую вдогон
(Как будто огненный дракон).
И снова: вспышка и хлопок,
И мы несёмся со всех ног.

Берёзка

Где реченька привольная
По камушкам бежит,
Берёзка белоствольная
Качается, дрожит.

В шелках лоскутных, трепетных
Гуляет ветерок.
Он обдувает, треплет их
И пьёт прозрачный сок.

Дождь белит сарафанчики,
С листвы тлю гонит прочь.
Всю ночь на ствол карманчики
Строчит портниха Ночь.

Островок души

Есть в каждом сердце островок,
Но сколько ни шагай,
Дойти туда не хватит ног,
Не довезёт трамвай.

Полмира можешь обойти –
И не найдёшь его,
Он в глубине твоей души
Упрятан далеко.

Там милый дом на три окна,
И кошка на тахте.
Там папа, мама, ты и я,
И чайник на плите.

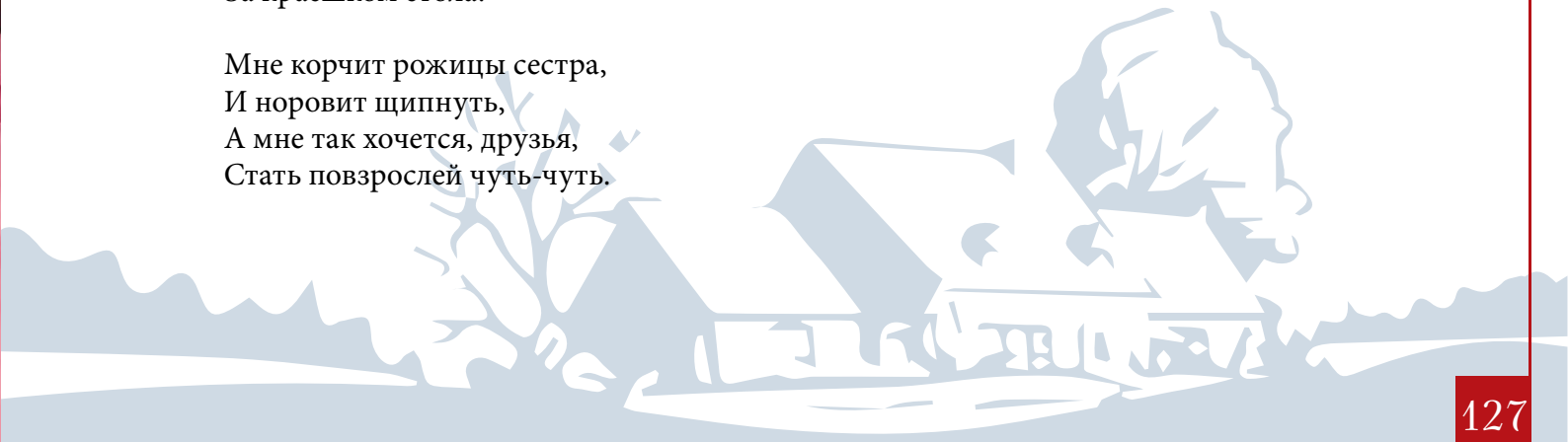
На длинной нитке абажур
Свисает с потолка,
Там я сижу, придвинув стул,
За краешком стола.

Мне корчит рожицы сестра,
И норовит щипнуть,
А мне так хочется, друзья,
Стать повзрослей чуть-чуть.

Там счастья море – через край,
Там любят нас и ждут.
Там детства бьют колокола,
И ходики идут.

Там за окном, там за окном
Колышется сирень,
И я по лужам босиком
Бегу в июльский день…

Есть в каждом сердце островок,
Но сколько ни шагай,
Дойти туда не хватит ног,
Не довезёт трамвай.



Дикой собакой Динго

Помнишь песчаные плёсы:
В платьице изо льна,
Ты заплетала в косу
Ниточку янтаря.

Звёзды, срываясь с неба,
Сыпались в шёлк волос.
А я искал всё лето
Капли янтарных звёзд.

Чьи-то застыли слёзы
В капельках янтаря:
Жёлтые вспышки мимозы
С брызгами хрусталя.

А в глубине слезинки,
Чья-то печаль и боль,
Голубоватость льдинки
И океанов соль.

Дремлют песчаные плёсы,
Сонная плещет волна.
Свесила рыжие косы
В небе девчонка-луна.

А от тебя открытка:
«Здравствуй» и «Как дела?»…
А на открытке – нитка
С капелькой янтаря.

Чьи-то застыли слёзы
В капельках янтаря.
Будто людские грёзы
В Млечном Пути парят.

А на щеку снежинкой
Тихо упала печаль,
Дикой собакой Динго
Детство уходит вдаль.

Скрипучий разговор

Завёл скрипучий разговор
Под лыжами снежок
О том, что будит снежный бор
Ночами серый волк.

Он ночью воет и скулит
На жёлтую луну,
За то, что сильно та слепит
Глаза в пути ему.

Ещё поведал снег про то,
Что в снежную пургу
Свалился заяц кувырком
В ложбинку на снегу.

От шума дружная семья
Проснулась: “Кто ты, чей?”
И закрутилась кутерьма
В дому у косачей.

Взлетают, крыльями шумят
И зайца гонят прочь.
А он и сам тому не рад –
Лишь вылезти бы смочь…

Скользила плавно по снежку
Меж сосен пара лыж,
А в глубине, шурша по мху,
Им в след спешила мышь.

Тишина

Давит уши тишина,
Город глохнет.

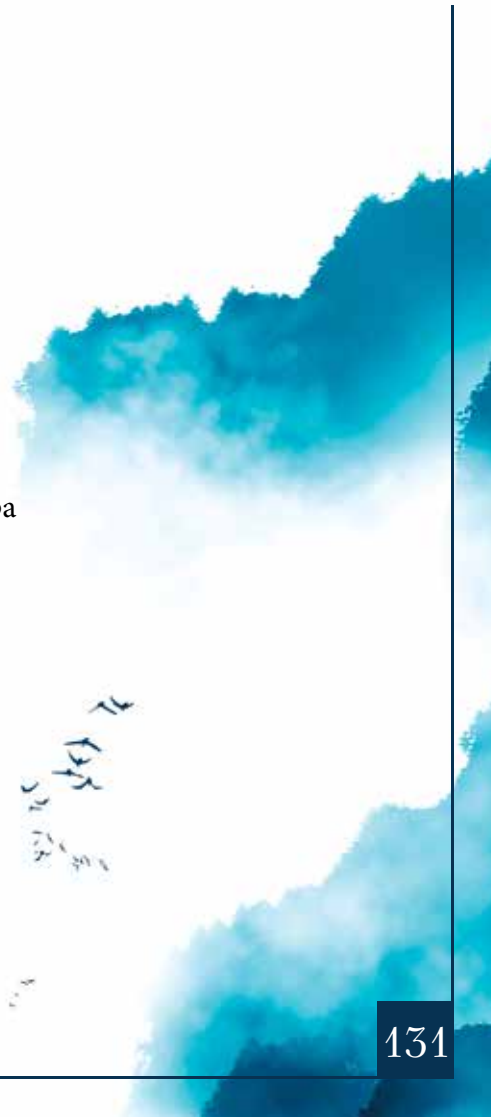
Человечья пустота,
Город мёртвых.

А по улицам метёт
Стылый ветер.

Дует в окна и поёт
В ржавых петлях.

Арматура из нутра
Статуй жёлтых…

Ныне ливень из ведра
Там, где шёл ты.



Мгновение

Стой, замри, моё мгновенье!
Руки настежь, звёзды вниз…
Застывает озаренье
В серой массе био-лиц.

Вот оно – моя отрада,
Словно в жаркий день гроза.
Я ему до боли рада,
Вместо слов – горят глаза.

Вместо встреч – руки касанье,
Вместо песен – сладость губ:
Шёлка нежного ласканье
Об души холодный сруб…

Не забудь моей улыбки
И огромных карих глаз.
Будто шарики на нитке,
Разлетимся мы сейчас…

Звезда

Как близко вдруг зажглась звезда,
Чтоб слить нас воедино.

И я пришла к тебе, пришла
Через толпу незримо.

Мы разделили вместе кров,
И брак вошёл в привычку…

Звезда скатилась с неба в ров,
Погасла, точно спичка.

Раскаяние

Как хочу я вернуть восемнадцать!
От любви, словно лань трепетать…
Без остатка в тебе растворяться,
И к утру на тебе оживать.

Как хочу я вернуть восемнадцать,
Разменяйте мои тридцать пять…
За тебя как бы стала я драться,
От соблазнов смогла удержать.

На скамейку, на краешек лета,
Недописанным брошен роман…
Наша песня с тобой не допета,
Не растаял любовный туман.

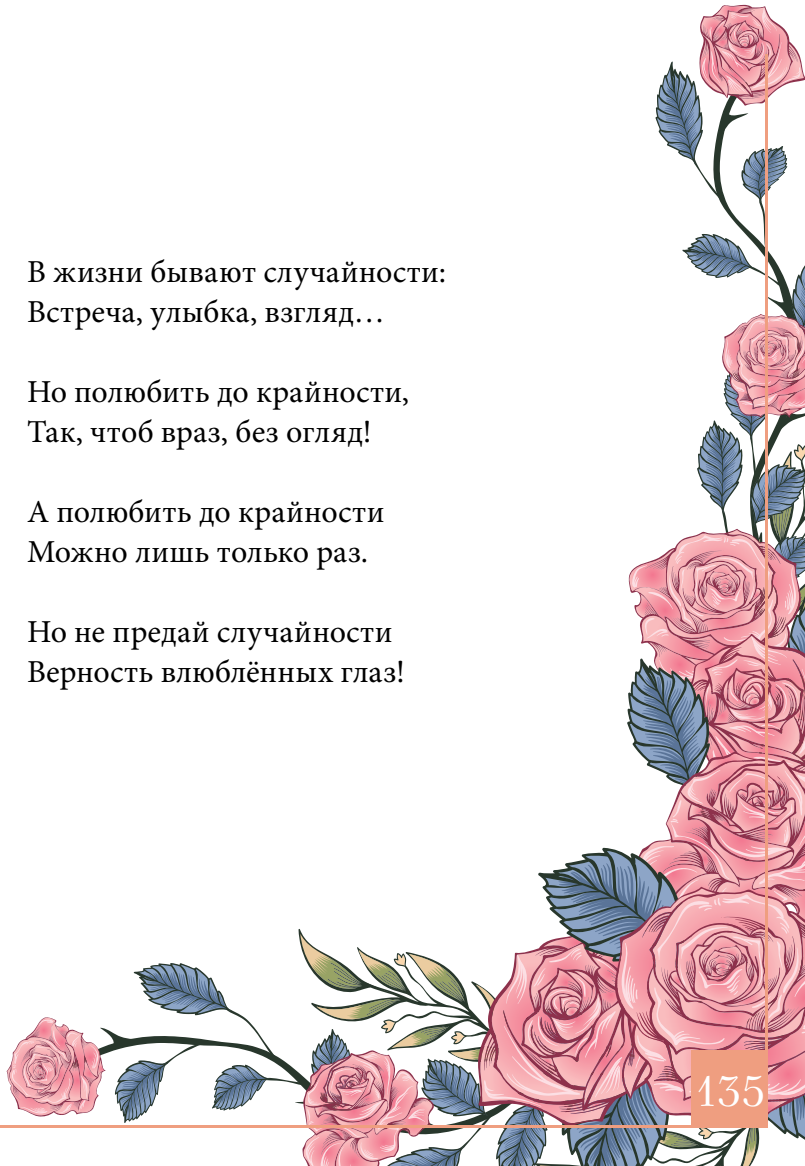
Случайность

В жизни бывают случайности:
Встреча, улыбка, взгляд…

Но полюбить до крайности,
Так, чтоб враз, без огляд!

А полюбить до крайности
Можно лишь только раз.

Но не предай случайности
Верность влюблённых глаз!



Рыжий лось

Гудит под ветром голый лес:
Сошла с него листва,
Багряный цвет с ветвей исчез,
И высохла трава.

В слоистых перьях небосклон,
Как выцветший гранит,
Скалой навис над лесом он,
Сорваться вниз грозит.

Вот по болоту прошагал
Огромный рыжий лось,
Он громко воду расплескал
И промочил насквозь

Небес седую синеву,
Застывший голый лес,
Поляну, жухлую траву,
И – в ельнике исчез…

Тропинка в детство

В наплывах солнечного дыма
Тропинка в детство уводила.
Сквозь чащу зиждился просвет –
Дорожка в память давних лет.

Ребёнком вновь нетерпеливым
К ручьям спешил я торопливым,
И открывал дремучий лес
Пред взором чистый свод небес.

Вновь земляника пахла в сите
И солнце плавилось в зените.
И я летел такой счастливый
Над рыжим лесом и над нивой.

И не объять мне было взором
Земли родной лугов просторы.
Всё дальше в небо уносила
Меня из детства эта сила.

Под утро от прожитых дней
Я стал и старше и умней…
Растаял сон, и мне осталась
От детства лишь рассвета алость.

Эвелина Цегельник

Детский писатель

НЕИСПОЛНЕННАЯ СУДЬБА

Для людей творческих бабушки представляют неисчерпаемый источник вдохновения. Вот и меня сближала с бабушкой общая творческая одаренность, мучительная тяга к чему-то, надрыв в горе и в радости, богатое душевное тепло. Бабушка (по маминой линии) – Александра Яковлевна, бабушка Шура, внешне очень походила на Марину Цветаеву – русскую поэтессу Серебряного века. Такая же небольшого росточка, худенькая, с легкими, короткой длины, светлыми волосами, нежным цветом лица, и тоже близорукая. Характера бабушка Шура была живого, открытого. Часто пела, сидя на подоконнике, устремлённая куда-то вдаль… Я любила её безумно. Любила её простоту, открытость и душевность, проникающую в самые потаённые уголки детского сердца, любила её пение. Восхищалась её умением вывязать крючком потрясающей красоты и сердечной теплоты вещи; плести весёлые и такие жизнерадостные фигурные коврики из лоскутов цветной материи; обожала замороженный в тарелке манный кисель с малиновым вареньем, и неописуемой вкусноты яблочный джем из райских яблочек, сваренных бабушкой вместе с красной кожурой – ну просто великолепная симфония вкуса… Всегда потрясало её умение отдавать, делать добро негласно, не ожидая ответного добра, порой в ущерб себе, без сожаления.

Несмотря на два класса образования в церковно-приходской школе, ума бабушка была живого, могучего, могла решить задачку по программе средней школы, чем я, внучка, часто и без зазрения совести, пользова-

лась. Бабушка любила приключенческие книги и много читала, была прекрасной рассказчицей…

С особой теплотой вспоминала бабушка про лакированные синие ботики из девчоночьей юности: которые так понравились Шуре, что не удержалась, купила. Её размера не было, а этот никто не брал, слишком маленький... Мучилась, но ходила. Шура работала с раннего детства, то в няньках, то в прачках, то помощницей по хозяйству, цену деньгам знала… Ботики стали настоящим лучиком света в безрадостной работной жизни. Мучаясь от тесноты и болей в пальчиках, Шура стоически отплясывала в изящных миниатюрных ботиках в городском парке. Ведь на танцы ходил и парень её мечты, ради него Шура бегала босая с окраины города каждый выходной, бережно неся в газетном свёртке своё бесценное сокровище – лакированные синие ботики… Девушка была из очень бедной рабочей семьи. Замуж её выдали поздно, в 19 лет, за человека, которого Шура до свадьбы никогда не видела. Просто понадобилась в семью трудолюбивая девушка. Родила Шура от нелюбимого человека четырнадцать детей, из которых до зрелости дожили только четверо: два мальчика и две девочки (мои дяди и тётя). Страдания, боль от потерь, нужда и голод, чувство обречённости, тяжёлый физический труд, измождающая работа в поле – странная смесь высокого и низкого. Не имея возможности достать нужное лекарство, измученная Шура, просто уходила от умирающего дитя в другую комнату, не в силах облегчить страдания ребёнка, вынести его предсмертные муки. Возвращалась, когда звуки обрывались. Её муж, мастер литейного цеха, разочаровавшись в жизни, быстро запил, с годами всё глубже и глубже увязая в пасти зелёного змия. Шура, в аванс и получку, с санями шла к проходной завода, чтобы привести пьяного мужа домой (дабы не выпали из кармана последние деньги, или беспомощного пьяного человека не обворовали по дороге домой). Из запоя дед выйти не смог, умер, упав с лестницы в сенях собственного деревянного дома. Шура тогда целую неделю была в отъезде. А упавший с лестницы Шурин муж (мой дед Гриша), подняться без неё не смог, умер, пролежав на промёрзших досках целую неделю, ему так и не удалось выползти за ворота, чтобы позвать на помощь.

Судьба нанесла Шуре решительный удар: не имея собственного заработка, потеряла кормильца. Но самое страшное было ещё впереди: тонет перед свадьбой любимая семнадцатилетняя племянница, одна за другой уходят из жизни три младшие сестры; затем смерть старшего сына, предательство дочери, гибель любимого внука: жизнь, состоящая из потерь. Неисполненная судьба… Я иногда думаю, кем бы могла стать бабушка, будь у неё возможность получить достойное образование. Певицей? Писателем? Художницей? Этого я никогда не узнаю. Но бабушкино обаяние, простота, преданность, необычайная жизненная выносливость; удивительная душевность, певучесть; сохранённая, несмотря ни на что, здоровая живая молодая душа, оптимистичность, детская наивность и звонкий заливистый смехвошли в меня вместе с её генами, песнями, добрыми делами – тихой и светлой любовью. Спасибо тебе, родная, за всё…

твоя внучка Эля.

Об авторе книги:

Эвелина Цегельник: взгляд тёплый, мягкий, навевает состояние уютного спокойствия. Смотришь в её глаза – и наслаждаешься пленительно тёплым, желанным и почти позабытым чувством доверия. Динамика её работ вдохновляет. Головокружительная лёгкость стихотворного слога, наполненность прозы яркими контрастами. Вот и новая книга автора **«На заоблачных Божьих лугах»** пропитана светлой аурой, трогательной открытостью, всепоглощающей, заполняющей каждый уголок вселенской любовью. Читая книгу, чувствуешь прирост внутреннего спокойствия: умиротворение и тишина наплывают отовсюду – словно вместе с туманом поднимаясь из таинственных ущелий. В такую минуту верится в древние легенды о лесных духах, скитающихся по туманным отрогам в окрестностях монастыря. Вокруг читателя словно вырастает незримая стена, не позволяющая ни одной молекуле чувств потеряться в безразличной череде одинаковых дней и людей. Страницы книги, словно окна в сад, открывают вид на ландшафт с деревьями, лугами, холмами, цветущими полянами…

Книга «На заоблачных Божьих лугах» – лучшее средство от печали и депрессии. Каждая новая страница – существенный прилив жизненных сил и энергии. Стихи в книге светятся, рождая в читателе искорки надежды, перемежаемые с сочно-зелёной глубиной леса, с ощущением простоты и красоты мира, с любованием как ночь плавно превращается в день, весна переливается в лето...

Что может сравниться с умением автора погружать в пленительный и таинственный параллельный мир, недосягаемый для суеты? Жизнь без волшебства пуста. Познание жизни бесконечно…

Несколько строк из ВИКИПЕДИИ:

Эвелина Станиславовна Цегельник. Российский писатель. Автор **16** книг. Заслуженный работник культуры. Член Союза писателей России. Член International Guild of writers; Deutschland, Hechingen (Международная Гильдия писателей; Германия, Хехинген). Член Eurasian Creative Guild (London). Родилась на Урале (Н-Тагил). Высшее техническое образование получила в Екатеринбурге (УГТУ-УПИ). По основному образованию: инженер-металлург. По призванию – писатель и поэт. И то и другое – на высоком уровне. После отличной защиты дипломного проекта, проработала двадцать лет в атомной промышленности Удмуртии. В настоящее время живёт и трудится в Красногорске Московской области. С успехом участвует в международных литературных конкурсах; поэтических марафонах; фестивалях культуры и искусства; является лауреатом свыше тридцати международных конкурсов среди писателей, пишущих на русском языке.

Книги Эвелины Цегельник:

Страна проказ *(стихи и рассказы).* – Ижевск,1998.
Моя Удмуртия *(стихи и рассказы).* – Ижевск, 1999.
Провинциальное развлечение *(стихи и рассказы о провинции).* – Ижевск, 1999.
По тропинке в лес *(стихи).* – Ижевск, 2001.
Про Ваню и его друзей *(рассказы).* – Ижевск, 2001.
Уютный дворик *(стихи).* – Ижевск, 2003.
Очень детские песни *(+ двойной CD)*; текст – Эвелина Цегельник; музыка – Виталий Сокол. – Москва, 2003.
Таинство химических превращений *(художественно-публицистическая книга).* – Ижевск, 2004.
Солнышко, свети! *(стихи).* – Ижевск, 2005.
Дом, в котором я живу *(стихи).* – Ижевск, 2007.
Велением времени *(художественно-публицистическая книга).* – Ижевск, 2008.
Босиком по небу *(стихи и рассказы).* – Тула, 2008.
Улыбаясь уголками рта *(рассказы).* – Германия, 2016.
Чувство Родины *(рассказы).* – Германия, 2017.
Лохматый Ветерок *(стихи).* – Германия, 2017.
На заоблачных божьих лугах *(стихи).* – Германия, 2018.
По тропинке в лес *(стихи).* – Германия, 2018.

Книги и сборники стихов и рассказов (в соавторстве с другими писателями):
«Заветная мечта», «Литклуб», «Колесо», «Лексикон» (Россия); «Галерея», «В пути мы обретаем лица» (Россия, Удмуртия); «Созвучье Муз» (Германия); «Барабан Страдивари» (Израиль-Марокко-Германия), «Русский Stil» (Германия), «Новый Ренессанс» (Германия); «Город на Красной горе» (Россия, Красногорск); и др.

Дополнительные сведения:

1. Биография Эвелины Цегельник включена в Энциклопедию «КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО» (гл. редактор А.Е. Загребин. Составители Е.П. Никонова, А.П. Сидорова; Ижевск; 540 с.; ISBN 978-5-901304-62-4; (см. библиография «Эвелина Цегельник», с. 482-483); г. Ижевск, 2009.
2. Биография Эвелины Цегельник включена в книгу для вузов (учебное пособие для учащихся старших классов общеобразовательных школ и студентов); учебно-методическое пособие «Наше культурное достояние», автор Н.Н. Закирова, Глазов; 368 с.; ISBN-5-86886-021-9; (раздел «Эвелина Цегельник» – с. 138-141); г. Глазов, 2007.
3. Книги Эвелины Цегельник «Солнышко, свети!» (2006, Москва) и «Про Ваню и его друзей» (2002, Ижевск) стали книгами года.

София Абдулаева

Модель

«Я родилась очень красивым, счастливым и одарённым ребёнком!

Мои корни по маме мордовские (мокша – это финно-угорское направление языков и народностей), по папе – русские и узбекские.

В школе была круглой отличницей, но не всё так легко давалось. Приходилось много над собой работать, чтобы достичь совершенства – золотой медали.

Наша семья была не богатой, но очень счастливой. Я очень благодарна своим родителям!

Папа сам пробился и стал Минфином нашего города – прекрасный пример для подражания. Я часто заходила к нему в администрацию города Ковылкино (третий по величине город в Мордовии), садилась в его кресло и представляла себя важной персоной. Мама работала экономистом в автоколонне, и подсчитывая с ней мелочь, которую приносили водители, сравнивая профессии родителей, я уже тогда поняла, что хочу большего! Совершить настоящий поступок, изменить мир, хочу глобальных перемен в жизни.

В детстве я успевала всё: профессионально занималась эстрадным танцем, до 10-го класса выступала на сцене ДК, участвовала в танцевальных конкурсах Мордовии, занималась всеми возможными видами спорта. Всё было интересно: футбол, баскетбол, спортивная ходьба, бег, волейбол, художественная школа, вязание, вышивание...

Мама очень хотела, чтобы брат стал хирургом, но он выбрал профессию финансиста. И я поняла,

что хочу исполнить мамину и свою мечту: приносить пользу обществу, спасать людей. Или совершить открытие, которое изменит мир к лучшему. Поэтому между возможными профессиями в области дизайна интерьеров, туристическим бизнесом и медициной я выбрала медицину!

Я поступила на медицинский факультет в Рязани и поняла, что попала в ад. Рядом не было мамы и папы, старых друзей! Не хватало танцев, простора, времени подышать, и я начала поиски, где применить свои творческие способности. В первый же год приняла участие в конкуре Краса Рязани-2007 и победила, начала заниматься актерским мастерством, работала моделью (были поездки в Санкт-Петербург на неделю моды и фотографии в Рязанских журналах).

Параллельно я всегда подрабатывала официанткой, администратором, продавцом на самостоятельную жизнь, научилась понимать цену деньгам, могла позволить себе отдых в Сочи, а после шестого курса накопила на свою мечту – поездку в Париж!

По окончании Медицинского института им. академика Павлова в Рязани я переехала в Москву и поступила в ординатуру в научный центр лазерной медицины на отделение пластической хирургии. Мечтала об этом с первого курса, но на практике поняла, что потребуется немало сил и терпения, чтобы не сойти с выбранного пути, так как в России в то время пластическая хирургия находилась на начальной стадии развития, и меня часто посещала мысль, что кроме меня, это направление медицины никому не нужно.

Ординатуру проходила в общеклинической больнице № 51 (общая хирургия, гинекология, урология), одновременно, следуя за мечтой, бесплатно ассистировала частным хирургам во время пластических операций.

В 2009 году познакомилась с хирургом Романом, вместе с которым курировала палаты в общей хирургии и – влюбилась, как пишут в романах. Была уверена, что пришла в медицину, чтобы встретить его!

В 2011 году закончила ординатуру и осталась младшим научным сотрудником (молодым ученым) в отделении пластической хирургии при научном центре лазерной медицины, утвердила тему кандидатской диссертации и начала искать средства, чтобы зарабатывать больше для себя и своего мужчины. Он же не предпринимал попыток, чтобы хоть как-то мне помочь. Также я работала в частной клинике пластической хирургии МедЛаз, а потом устроилась на третью работу в амбулаторную лазерную хирургию. К сожалению, мы с Романом находились в постоянной конкуренции, и наши отношения этого не выдержали, произошел бурный разрыв, с ссорами и примирениями – и снова расставаниями.

С момента последнего нашего расставания появился Ваня и предложил мне руку и сердце. Мне трудно было забыть Романа, но потом у нас с Ваней родилась дочка – Ева. Именно она стала моим спасением от несчастной первой любви.

До девятого месяца беременности я работала, чтобы отремонтировать новую квартиру, купленную ещё для Романа… За время работы появились тысячи людей, благодарных мне как доктору, каждый выход на работу был для меня праздником, а их отзывы – лучшим бальзамом на душу!

На Евин день рождения мы с Ваней зачли Камиллу. С появлением второй дочери я смогла окончательно отпустить Романа и простить боль, которую он мне причинил.

С двумя детьми на руках и не прерывая работы, мне пришлось пройти через тернии, чтобы защитить кандидатскую диссертацию: “Лазерный липолиз в пластической хирургии”.

Сейчас я кандидат наук. За свои тридцать лет я успела сделать всё, о чем мечтают мужчины: купила квартиру, машину, обзавелась детьми, посадила дерево! За спиной тысячи людей, с благодарностью приходящие ко мне на работу. Я счастлива оттого, что получаю удовольствие от своего труда и делаю счастливыми других людей. Моя работа – это моя любовь! Но моя личная жизнь не складывается из-за отсутствия сильного – по-настоящему мужского плеча. Так что сегодня я пересматриваю приоритеты. Сейчас мне 31, и я чувствую себя, будто заново родилась. Я верю, что жизнь только начинается!

Содержание:

Ворожея 5
В платьице простом,
Лосёнок 7
Одуванчики 9
Дерево-птица,
Месяц в речке 11
В зимнем лесу 13
Метель 15
Волки 17
Костёр,
Солнце 19
Утро в лесу,
Лист 21
Облачко-лето,
Отголоски лета 23
Ожеледь 25
Ожерелье 27
Кедр,
Рябиновая шуба 29
Ноктюрн,
Очищение 31
Схимница 33
Гнездо 35
Рождение,
Предчувствие весны 37
Зарубка,
Сосновая Русь 39
Озеро подо льдом,
Весна из зимы 41
Мороз-купец 43
Тишина,
Весна пришла 45
Пчелиный арьергард,
Первый полёт 47
Соловей,
Запах черёмухи 49
В лесу 51
Цветенье льна,
Цветы 53
На исходе лета 55
Закат,
Свеча 57
В ночи,
Огонь 59
Светёлка 61
Утро города 63
Вдохновение,
Последняя осень 65
Полынья 67
Весеннее,
Весенняя песня 69
Крушение зимы 71
Сеятель,
У пруда 73
Пробуждение,
Полдень 75
Стакатто,
Под солнцем 77

Уснувшая осень,
Русак 87
Снег 89
Проста и ослепительна,
Трясинистое место 91
В пожаре облаков,
Речка 93
Осенние дни,
Осенний берег 95
В липовой аллее 97
Перед дождём 99
Тополиный пух 101
Речитатив 103
Сумерки,
Сладко пахнет лето 105
Зеркало,
Нежность 107
Осенние лоскуты,
Предосенье 109
Поляна,
Лосиными тропами 111
Небо 113
На зимней поляне,
Стылый ветер 115
Тополь-корабль,
Берёза в снегу 117
Дыхание земли,
Радуга 119
Зимний вечер,
Затихший лес 121
Иван-чай,
Папоротник 123
Гроза,
Берёзка 125
Островок души 127
Дикой собакой Динго 129
Скрипучий разговор,
Тишина 131
Мгновение,
Звезда 133
Раскаяние,
Случайность 135
Рыжий лось,
Тропинка в детство 137
Письмо к бабушке 138
Писатель Эвелина Цегельник 139
Модель София Абдулаева 142

Литературно-художественное издание
masterskaya86@mail.ru

Эвелина Цегельник. На заоблачных Божьих лугах.
Стихи о природе.

Дизайн обложки, обработка фотографий – агентство “Творческие решения”.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографиях:
Verlag «STELLA», Hechingen, Deutschland (ФРГ);
«Буки Веди», Москва (РФ); 2018. – 147 с.

© Эвелина Цегельник, стихи, 2018
© фотомодель София Абдулаева, 2018
© фотомодель Ева Тония, 2018
© фотомодель Камилла Тония, 2018
© художественный редактор Маргарита Пальшина, 2018

ISBN 978-3-95772-109-9

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, использование фото из книги, включая размещение в сети интернет, возможны только с письменного разрешения правообладателя.